

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА МАНИФЕСТ

**(по следам работы на площадке «Человек+»
в рамках Архипелага 2023)¹**

С. А. Смирнов

**Новосибирск. Россия.
2023 г.**

DOI: 10.32691/2410-0935-2023-18-325-348

¹ С 28 июля по 7 августа 2023 года в Новосибирске проходил очередной проектно-образовательный интенсив Архипелаг 2023, организованный под эгидой Агентства стратегических инициатив в рамках НТИ. В этом году впервые в его рамках работала площадка «Человек+», на которой представители сферы биотехнологий и приглашенные эксперты разрабатывали свой Гуманитарный манифест и этический кодекс биотехнолога (см. <https://telegra.ph/ЕНТИКА-БИОТЕХНОЛОГА-08-21>). Автор этих строк, участвовавший в работе этой площадки, решил предложить свой вариант Манифеста.

- **Преамбула**
- **Симптоматика трендов**
- **Вопрошание о человеке**
- **Соблазн**
- **Подмена**
- **Готовность**
- **Исток**
- **Самоопределение на фоне Северного горизонта**
- **Время для самоопределения**
- **Культурное задание. Институт Человека**

Преамбула

Слуга Фирс в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад» в финальной сцене выходит и горестно заключает: «Все уехали. Человека забыли».

Это метафора нашей нынешней ситуации. В мире много чего есть. Мы изобрели много умных вещей. Мы летаем в космос. Осваиваем мировой океан. Воюем. Выясняем отношения. Строим новые города. Снова воюем. Снова выясняем отношения.

Но мы не заметили, как постепенно мы потеряли самих себя. Мы потеряли в себе человека.

И снова мы попали в ту же самую ситуацию, в которой находился умный и смешной философ, ходивший по улицам города Афины днем с огнем и кричал: «Ищу человека!».

Нам надо снова начать искать человека. Снова искать самих себя. Нам надо вновь себя самих переначать. Начать новое Начало. Ab ovo.

Этот поиск неизбежен, поскольку мы сами себя загнали в тупик. Достаточно остановиться, оглянуться и спросить себя – что с нами со всеми происходит?

Симптоматика трендов

Мы все больше вещей, услуг, работ передаем другим за плату. Мы не только заказываем пиццу на дом. Мы заказываем приготовление ужинов, стирку белья, выгул животных, воспитание детей, ремонт квартиры, ремонт машины и проч. Мы все больше высвобождаем себя от внешних работ, от обязанностей, от домашних дел по самообслуживанию. Мы освобождаем себя все больше от заботы вообще, чтобы... Чтобы что? Чтобы самим просто жить и получать удовольствия. Мы высвобождаем себя от заботы в пользу чего? Ночной жизни? Клубов, ресторанов? Водки, бани, игровых клубов? Или в пользу библиотеки, книги, работы, заботы о ближнем и себе самом?

Что в результате происходит? В результате высвобождения от работ и забот мы постепенно утрачиваем свои базовые навыки и способности. Считать мы давно сами не считаем. Передоверяем компьютеру, мобильнику. Также уже сами не пишем, а набиваем текст на клавиатуре. Мы не выводим на чистом листе бумаги буквы. Нам это буквально физически все труднее делать. И тем са-

мым не рисуем форму мысли. В итоге сами не мыслим. Мы перестаем писать. Сразу набираем текст на компьютере. Чистый лист бумаги и ручка – уходят в прошлое. Чтобы что-то написать, приходится себя заставлять. Моторика письма, ключевая практика и органика, становится уходящей натурой.

Мы утрачиваем простые, но радикально важные способности, в итоге у нас не формируются новые функциональные органы. Например, утрачиваем навыки устного счета и письма. А многие люди не умеют сами гладить, стирать, делать элементарные работы по дому.

Мы не помним номера телефонов, не пишем их в записные книжки, не записываем их на листочках, не прикрепляем их над телефоном дома. Доверяем эту память мобильникам. Это тот же аутсорсинг. Номера телефонов близких людей почти не помним, поскольку все они в памяти мобильного или ноутбука.

Но что происходит в результате такого жизненного аутсорсинга? Он становится массовым. Мы не только доверяем машине быстро и много запоминать, быстро считать, проделывать операции. Мы доверяем машине жить за нас. Мы отдаем машине самих себя, поскольку, переставая делать простые вещи сами, переставая писать и считать, запоминать. Мы перестаем быть самими собой, то есть теми, кто был раньше. Какие же мы теперь? Уже не совсем люди?

Осуществляя жизненный аутсорсинг, отдавая простые, но базовые заботы о себе, мы, замещая их удовольствиями, теряем собственное авторство, собственную точку зрения, собственное мнение, чтобы делать выбор, чтобы высказываться. Доверяем разным брендам, рекламам, пиарам. Не можем окончательно решить, хороши или плохи эти ботинки или этот пиджак. Мы перестаем доверять самим себе.

Мы теряем содержание в символических сущностях. Побеждают машины производства желаний, давящие на наши точки удовольствия и страсти. Мы как те самые кошки, давим на педальку в стремлении получить снова и снова желаемое удовольствие.

Знак давно оторвался от содержания. Остается просто пустой знак, бренд, марка, симулякр. То есть знак, не имеющий смысла. Но имеющий только указание – сюда иди и бери. Берется он. Человек живет в знаках, а не в сущностях, то есть не в содержаниях. То есть в симулякрах и симуляциях.

За этим стоит желание просто взять. Наша жизнь вообще строится как захват и приобретение. Можно просто взять. Купить. Иметь. Не затрачивая на освоение усилий. При атрофированных органах работы остается только одно действие – взятие, имение. Супермаркеты становятся местами, кладезями, где все это обилие мира можно взять. Маленькие дети думают, что молоко производится в магазине.

В мире потребления симулякров формируются массы и магазинные толпы, живущие в супермаркетах, кафешках, уличных тусовках.

Эти массы живут со своим укладом и языком. Языком эсэмэсок, меседжей, коротких реплик, электронной почты, покетбуков, текстов в ай-падах, которые читаются в метро, машине, залпом. Быстро. Как глоток воды. Точнее, кока-колы.

Работаем все больше в мобильных офисах. Даже голубые воротнички исчезли. Класс, идущий на завод, давно исчез. Исчезает и голубой воротничок.

Остается офисный планктон, переплывающий из одного места в другое, живущий не понятно где, не прикрепленный к месту. Даже офисы свои компании уже не заводят как постоянные места работы. Можно работать в любом месте, имея мобильник и ноутбук и возможность подключения к сети.

Фразы, высказывания становятся все короче. Мы становимся похожими на Эллочку-людоедку. Короткое чтение и короткие тексты. Читать некогда. Снижается навык работы со сложной информацией и сложными, длинными текстами. Внимание не держим. Быстро устаем от текста объемом больше страницы.

Сформировалась снэк-культура. Мы едим быстро, по ходу дела, еда в упаковках. Читать нам тоже некогда, писать некогда. На ходу едим, пьем, решаем вопросы, общаемся, занимаемся сексом, между делом рожаем детей. Да и рожать перестаем. Заводим пары без семьи. Бой-френды и подруги. Безопасный секс. Вместо ребенка – собачка или кошечка. Или попугайчик. Большой заботы не требует.

Давай сделаем это по-быстрому!

Общаемся по принципу вдох-выдох. Быстро. На раз. Пришел, ушел. Привет, пока! Прошел год. Снова пришел, ушел. Снова пока! Отношения без обязательств и без ответственности.

Фастфуды процветают. Суррогаты национальных кухонь растут как грибы. Заказ еды на дом.

Растет число кулинарных шоу на ТВ. Опять готовка быстро, по рецепту, по рекламе. На шоу сплошная реклама тех или иных фирм и продуктов.

Человек испытывает не просто желание иметь. Он предпочитает иметь быстро, легко, не затрачивая усилий. Все и сразу. Без заботы. Чтобы быстро, удобно.

Делаем одновременно несколько дел. Едем в машине, слушаем радио, едим и даже занимаемся сексом, делаем себе мэйк-ап, снова занимаемся сексом, переодеваемся, читаем новости по мобильнику, ведем по нему же переписку. И это все на ходу.

Люди разучаются размышлять публично вслух. Не рассуждают. Не дискутируют. Вместо дискуссий – ток-шоу. Вместо докладов, устных сообщений, размышлений вслух – презентации. Мы показываем слайды и комментируем их. Люди привыкли к картинкам, слайдам, киношкам, мультипликации, анимации. Умный неспешный разговор – не уместен. Предпочитаем ток-шоу, стремимся увлечь, завлечь, боимся, что иначе нас не услышат, не поймут.

Всеобщая виртуализация. Уходим в виртуал. Особенно дети. Они там живут. Живут в соцсетях. Самое действенное воздействие – через социальную сеть. Знакомства, встречи, что-то надо объявить, узнать. Учítывая это, компании заряжают рекламу в интернете, в социальных сетях. Она эффективнее. А блогер нынче зарабатывает гораздо больше, чем профессор университета.

А вузы делают рекламу все более в социальных сетях. Поскольку молодые не читают газет, не слушают радио, даже не смотрят ТВ. Оно для молодых – уже вчерашний день.

Дети не играют во дворе в казаки-разбойники. Мало общаются на переменах в школе. Больше общаются в интернете, играют там в стрелялки. Быстро отучаются от игры в песочнице.

Школьники отсиживают весь день в школе. На переменах не общаются. Приходят домой и срочно начинают общаться друг с другом же – но в виртуальных сетях.

Жизнь в соцсетях скоротечна, сиюминутна. Это приводит к увеличению поверхностных контактов, сиюминутных связей, быстрых необязательных встреч. Их нельзя назвать и встречами-расставаниями. Мы не встречаемся и не расстаемся, а просто контактируем. Как молекулы. Встретились – разбежались.

Растет одновременно массовизация и корпускуляризация, атомизация. Не усиление личностных начал, а усиление индивидуальности, отдельности, изолированности. Виртуальные сети позволяют мне прятаться за никами, за псевдонимами. За обилием масок. Я могу как бы присутствовать в сети, но анонимно, как тень, мелькая и меняя свои ники, постоянно ускользая.

Маскульт потребления приучает нас к быстрому и обильному потреблению. Чтобы машины меняли раз в три года. Как рубашки и тряпки. Поносил – выбросил. Сдал в утиль.

Инструкции к товарам быстрые, понятные. И самоучитель встроен в сам товар. Появляются «умные товары». Они понятны прежде всего детям. Мобилы и ноутбуки любой ребенок осваивает на раз. Быстрее взрослого. Внук обучает этому своего деда. Короткий язык электронных сообщений ему понятен. Чтобы быстрее взять. Нам всем как бы продлевают детство. Формируется длинный инфантильный возраст. Человеку уже 30, а он все инфант. Играет в стрелялки. У него уже есть дети, а он проигрывает ночи напролет.

Человек взрослеет рано в невзгодах. Поседевший на войне мальчик 10 лет считается аномалией, трагедией. Но почему-то 30-летний инфант уже не считается аномалией.

Этот самый инфант берет эту снэк-культуру, этот набор пустых упаковок, симулякров. Ему это кажется круто. Cool!

Именно берет. Упаковку можно только брать и потреблять, не затрачивая усилий. Потому короткая фраза для него – продолжение акта потребления.

Короткая фраза Чехова или Розанова – результат усилия. Экзистенциального напряжения. Дело не в длине фразы, а в степени ее духовной концентрации. А концентрат задается содержанием. Мыслью. Было бы что сказать.

Вопрошание о человеке

В настоящее время вопрошание человека о человеке становится все более затруднительным, потому что оказался поставлен сам вопрос о вопрошании: как возможно вообще вопрошать о человеке?

Проблема заключается не в том, чтобы дать очередное определение, дабы определить человека, задать ему пределы. В течение всего XX-го века философия только и делала, что порождала различные концепты о человеке, их было много. Они продолжают появляться.

Любое определение, любое присвоение любого качества человеку ставит ему те или иные границы. Но так или иначе нам хочется выйти за эти границы. Человек так устроен. Он всегда выходит за собственные границы, которые сам же себе когда-то и поставил. Само обсуждение человека означает попытку его объективировать, превратить в объект описания и исследова-

дования. Это похоже на спор путников о том, что маячит впереди, что за мираж. Это спор об убегающем горизонте. Вот путник идет по пустыне, видит впереди себя манящий мираж, идет к нему, в сторону уходящего горизонта, и никогда его не достигает. В таком случае возникает вопрос не в духе И. Канта «Что такое человек?», а другой – «Где и когда Есть человек?». Это первый вопрос, который возникает у человека, когда он приходит в себя после обморока. Он ведь задает вопрос «Где я»? Не «Что я?», а «Где я?». Он пытается сориентироваться и понять, где он, что его окружает, где его место, что с ним происходит?

Человек попадает в периодически в ситуацию обморока. В таком состоянии обморока вопрос «Что такое человек?» обесмысливается. Стремиться давать очередное определение человеку в такой ситуации становится тупиковым. Почему?

Потому в состоянии обморока человек испытывает онтологический соблазн. И проблема, конечно, не в новых умных технологиях, не в умной цифре, не в гаджете. Проблема в нас самих.

Мы в настоящее время испытываем соблазн, нам кажется, что быть человеком уже не обязательно.

Речь идет не просто о хрестоматийном смысле «быть» или «не быть», это все слова затасканные. Вопрос заключается именно в том, что набирает силу тренд, согласно которому человек предпочитает действительно не брать бытие как личностное задание, как культурное задание, как личное усилие быть, а предпочитает не быть. И, разумеется, задним числом это подробно и долго оправдывает, ища лазейку. В поисках последнего слова человек соскальзывает в лазейку, поскольку не решается на это последнее слово о себе. Не решается открыться и сказать о себе, как есть (Кто я Есть?), и поэтому закрывается задним словом, оправдываясь, ища лазейку.

Поэтому, когда от него требуется это последнее слово, он, занося ногу, чтобы сделать решительный шаг, его и не делает, не решается, оставляя нишу для маневра. Последнее, откровенное слово он не говорит. Даже вступая на границу, онтологическую границу, сидящий в нас подпольный человек оставляет себе маневр для того, чтобы все-таки не совершать предельное самоопределение, а вернуться от него, оправдывая себя задним числом. Оправдание возникает именно тогда, когда человек решается на то, чтобы допустить простую спасительную мысль, что бытие невыносимо, невыносимо выдерживать иго бытия. Мы предпочитаем повседневное, посястороннее желание и повседневные хлопоты, сводя наше существование к повседневным радостям, редуцируя наше пребывание в мире к разным привычным делам и суете, пытаемся жить малыми делами и пытаемся объяснить это, оправдать задним числом. А мысль о бытии гоним от себя, ибо оно невыносимо, поскольку требует личного усилия. Требуется жертвенности.

Но мы же так привыкли думать, ведь нельзя заставлять человека совершать усилие «быть». Это же не по-христиански, поскольку это действительно по принуждению не делается, поэтому уход, лазейка, обставляется разными уловками и оправданиями, дабы избежать усилия быть.

Поэтому берется от жизни то, что просто, доступно. Ребенок протягивает руку за фантиком, а фантик пустой, конфета уже съедена, но фантик краси-

вый, хрустящий, он манит. Манит чистая, пустая форма. Эти самые разные манящие соблазны притягивают, они манят. А кого они манят? Ребенка. То есть человека, боящегося, не желающего взростеть.

Чистая, блестящая форма, как правило, манит инфантила, человека, предпочитающего не принимать на себя взрослое ответственное решение. Он предпочитает просто брать, брать то, что доступно, кажется доступным. Возникает такая иллюзия доступности и привычности, что можно схватить и употребить мир как красивую, но доступную вещь. У человека-инфантила, предпочитающего не быть, формируется отношение к миру как к большой игрушке, которую можно взять и получить. Именно как игрушку, во временное пользование. Не как вещь, о которой надо заботиться, а как игрушку, с которой можно поиграть, попользоваться и выбросить, не отвечая за нее. Вещь берется во временное пользование, в аренду. Машина, квартира, вещи, мобильник, бытовая техника – все берется в аренду, в шеринг. Не в собственность, при которой возникает ответственность, забота, расходы, вклады. Вся жизнь берется в аренду. На время. И сам человек становится таким приживалом, снимающим у бытия угол во временное пользование. И он становится временщиком, пользователем. А значит, он не отвечает за этот мир. Он ведь в нем не живет, он снимает угол. Тут пожил, попользовался, там пожил, попользовался. Он в жизни не укоренен. В брак не вступаем, заводим друга (подругу). Ребенка тоже не хотим, заводим собачку. Забота как способ жизни снимается как обязательное требование. Но тем самым снимается и забота о себе. Сам временщик-приживал живет ведь временно, как бы на срок. Еще не по-настоящему. Настоящая жизнь будет когда-то потом, сейчас надо перетерпеть, а там, потом как-нибудь и заживем. А сейчас некогда. Такая быстрая жизнь на время, в аренду, с оставленной на потом заботой.

Взрослый человек (достигший культурного совершеннолетия) пытается работать с соблазном, он принимает решение, понимает пределы и ответственность своего решения. А человек, предпочитающий не взростеть, предпочитающий не принимать решение, не отвечать, не быть, не жить, а как бы жить понарошку, он, разумеется, соблазняется, потому, что берет мир как пустую форму, как фантик. Он берет мир как пустышку красивую, но пустышку. И пытается этим удовлетвориться. И выдает это самое как бы бытие за эту красивую пустую жизнь. Тем самым разумеется, выискивая лазейку для того, чтобы увильнуть от ответственного решения.

Соблазн

А что это значит? Это и значит, что нас манит соблазн. Мы увлечены очаровывающей нас формой без содержания, которой хочется обладать, следствием чего становится и редукция самого влечения, становящегося симуляцией.

Пустышка влечет, манит, потому что яркая, потому что влекущая, потому что создает иллюзию простоты обладания. Можно протянуть руку – и она твоя. И ничего тебе за это не будет, никаких последствий и наказаний. Жажда влечения связана с соблазном именно иметь – иметь запрещенный и кажущийся простым и доступным внешний мир, представляемый соблазненным вкусным плодом.

Стратегия соблазна формируется в ситуации обманки-приманки. Человек стремится обладать внешним объектом, вещью, предметом. Он манит, потому что ярк и потому что кажется доступным и простым в обладании. Но простота означает внутреннюю пустоту, поэтому человек становится влекомым пустотой, внешней формой, кожей, телом, чистой поверхностью, складкой, изнутри пустой.

Сама стратегия соблазна строится на обмане, подмене стратегии быть – на стратегию иметь, стратегию захвата того, что иметь невозможно, но возможно иметь доступную пустышку, поэтому так или иначе стратегия захвата оборачивается для захватчика капканом, он сам ловится на обманке. Стратегия захвата оборачивается гибелью самого захватчика. Как муха забирается в душистый цветок, лепестки его захлопываются, и муха погибает, становясь пищей растения. Захватчик становится сам пищей и объектом захвата. Так и мотылек летит на яркий свет, а затем погибает. Он не имеет собственной внутренней силы сопротивления искусу желания, он зависит от внешней силы манящего соблазна.

Схема соблазна работает потому что иллюзия простоты захвата толкает на простой способ действия на расстоянии протянутой руки. Создается иллюзия быть через простое получение полноты ощущения. Но через подмену. Вместо быть – иллюзия быть. Но чтобы создать иллюзию, используется главное орудие – желание обладания внешней, доступной телесной формой, желание низа, без стремления верха.

Потому и работает приманка, поскольку напрямую захватчика (желающего захвата) не заманить. Заманивает не само ничто, заманивает иллюзия, которую испытывает сам захватчик, через искусу обладания блестящей пустой формой.

Соблазн работает ввиду доминирования превращенной формы, развращающей желающего иллюзией взятия бытия как вещи. Соблазн работает ввиду победы мужской стратегии захватчика, стратегии обладания миром, как чужой женщиной, как чужим городом. Но для выхода из тупика соблазна приходится преодолевать сам способ видения мира как вещи, которой можно обладать. Соблазн потому работает, что он доминирует в ситуации господства превращенных форм. Сначала происходит, совершается, позволяет себе быть, онтологическая редукция, и потому побеждает капкан соблазна. Сначала сам человек теряет собственный исток творения, в нем размывается личностный каркас, стержень личностного усилия и поступка, в силу чего он делегирует момент принятия решения, онтологического самоопределения быть, другому, отрываясь от истока творения, реагируя на манки внешних сигналов и звонков, внешних бликов пустого, но яркого света квазиисуществования.

Иначе говоря, соблазн доминирует в силу инфантилизации человека, не желающего взрослеть, принимать ответственные решения. На пустой фантик соблазняется человек-ребенок, думающий, что можно взять мир как вкусную вещь. Достаточно просто протянуть руку. И тебе его дадут. И нет необходимости совершать усилие. Сведение онтологического усилия быть к желанию взять – такая стратегия характерна для квазидетского поведения. Соблазняется ребенок. Человек взрослеющий, берущий на себя ответственное решение за себя и за мир, в котором живет, на соблазн не идет. Но многие выбирают

стратегию соблазна, не желая взрослеть. Понятно, почему. Взрослеть (шире – быть) – страшно. Невыносимо. Нужно иметь «мужество быть», к чему призывал П. Тиллих.

Соблазну поддается не человек в его существе, его остове, не его столп, а он, сведенный к функции. На превращенную форму реагирует редуцированное существо, оставшееся от человека, отредактированного и размельченного, рассыпанного на функции, в котором уже не узнаваем человек в его образе, потерявший свой образ, точнее, не нашедший его.

Корневая причина соблазна не в нем самом, не в самом по себе обольщении внешней влекущей пустой формой, а в том, что сначала происходит онтологическая подмена. Тайну истока жизни человек стремится просто взять, открыть отмычкой, полагая (обманываясь, то есть обманывая себя), что чистую форму жизни можно просто вскрыть. Взломать ножом как консервную банку. Вместо открывания и преобразования себя – вскрытие и превращение другого, мира как вещи.

Поэтому важнее и коварнее не сам соблазн, а самообольщение, заключающееся в том, что человек позволяет себе допустить мысль о невыносимости бытия, а потому и ненужности. Можно, лучше, легче не быть, поскольку бытие невыносимо. Иго бытия невозможно перенести, его вообще не обязательно переносить. Бытие перестает быть нормой. Человек дает себе право думать так. Потому и становится падким на подмену.

Здесь – корень соблазна и неизбежности искусства. Человек изначально, с одной стороны, все может перенести, в том числе иго бытия, точнее, он имеет такой шанс. С другой стороны, он не хочет быть, не желает переносить тяжесть жизни, выбирая стратегию не быть, оправдывая это непереносимостью, невыносимостью ига бытия, ища лазейку, уловку, дабы избежать онтологического самоопределения, ибо нет у него изначально, врожденной готовности быть. Но нет у него и «алиби в бытии» (М. М. Бахтин). Он бытийно, нудительно должен, являясь в мир, найти свое место. Но тут же он начинает искать лазейку, чтобы не стать, не быть, оправдывая это прежде всего квазионтологическим аргументом, что бытия-то и нет. Его придумали философы-ученые, иезуиты-умники, а человеку нужен хлеб, а не свобода.

Фактором такого выбора в сторону соблазна становится фактор чисто логический, идущий от головы, в виде аргумента, переноса точки решения, места события выбора, в себя самого. В себе самом, индивидуальном, не ставшем, еще не совершенном и не свершенном. Никак еще не свершившийся, человек ищет ответ-лазейку и находит, разумеется, выход-уход, уловку, оправдываясь страхом от непереносимости бытия. Ибо нет и быть не может в нем силы и готовности (гамлетовской: Я готов!) перенести онтологическую муку. Силу он может найти лишь в энергичной связи с онтологически Иным. Как и показал Христос во время молитвы: Не как я хочу, а как Ты. И потому Он преодолел страх, испытывавший его в Гефсиманском саду. В себе самом, отдельном, индивидуальном, человек не может найти силу, ее там и быть не может, там он находит лишь страх и слабость, поскольку точку принятия решения он переносит в себя, делая себя центром мысли и действия, критерием разумности всего сущего. Здесь он и ввергается в соблазн.

Подмена

Трансгуманизм в его радикальных проявлениях не нов, полагая, что человек, будучи смертным существом, в принципе заменим на более совершенное существо. Но в данном случае речь больше идет о носителе сознания, функциональной матрице, имеющей определенный биологический и химический субстрат, состав которого можно менять, то есть менять носителя матрицы.

Главные недостатки человека трансгуманизм видит в его принципиальной субстратной ограниченности, незавершенности, несовершенстве (физическом, психосенсорном и проч.), в итоге – конечности, смертности. Человек здесь сходен с «биологической машиной» Просвещения, только более технически усовершенствованный – человек есть «мясной костюм», управляемый электрическими сигналами мозга. Соответственно, преодоление человека требует изменений в теле и мозге, то есть в субстрате. Будут они достигнуты генетическими манипуляциями или протезами, или имплантами – не важно. Трансгуманизм использовал давно известный тезис о несовершенстве и незавершенности человека и заменил его другим, тоже тезисом о незавершенности: предложил человека завершить, но только технически – умным техническим устройством, киборгом.

Согласно богатой культурной духовной традиции, человек, будучи несовершенным сущим, и должен проделывать над собой духовную работу заботы о себе, в силу чего, благодаря опыту заботы, он как бы довершает себя, но посредством духовных практик, выстраивая на себе личностный душевный органон.

Но представители трансгуманизма выбрали иной путь размышления. Вольно или не вольно, они совершают подмену: человек как сущее в принципе завершим, но сугубо технически, если его заменить умным техническим устройством, то есть постчеловеком. В такой логике подмены и рассматривается здесь будущее человека. Точнее, фактически будущее без человека.

Почему подобный прогноз оказался возможен? Он возможен потому, что сначала совершается концептуальная подмена – человек редуцируется до определенной модели, которая выглядит как вполне реальная. И затем делается вывод, что человек действительно в принципе заменим.

Такая редукция человека как сущего проделывается по ряду направлений:

- редукция человека как сущего до его биологического тела; редукция существования человека к существованию отдельных биологических тел;
- редукция мышления человека к интеллектуальным операциям и функциям, которые в принципе могут быть смоделированы и пересажены в техническое устройство;
- редукция высших способностей человека (мышление, воля, воображение, память, чувство) к функциональным операциям, происходящим в мозге, локализованных там, вследствие чего их можно вычленивать, описать, смоделировать и далее модель пересадить на искусственного носителя, получив искусственный интеллект.

Но главной редукцией выступает сведение бытия человека к существованию биоидного тела и/или функциональной машины. Усилие быть всегда было для человека онтологической нормой. Так было записано во всех куль-

турных кодах и традициях. Бытие выступало как онтологическая норма. Забота о себе означала возделывание в себе того сущего, которое мыслит себя в бытии. Его, человека, заботой о самом себе должно быть постоянное «возвращение человека к его существу», возвращение «отпавшего от своей сущности» человека ему самому, писал М. Хайдеггер.

С другой стороны, он же, человек, стремился к обратному – он стремился к отказу от бытия, к отказу мыслить и ответственно поступать, предпочитая не быть. Если же человек отказывается от бытия как нормы, то он отказывается от себя как сущего в пользу иного существа, постчеловека. Человек «вне нормы» готов идти на отказ от бытия, он стремится редуцировать свое земное бытие к эмпирическому существованию «тела желания» с его биологическими потребностями, в пределе – это существование биоида, у которого работают лишь две функции – страх и удовольствие.

К концу XX века сложилась уникальная историческая ситуация, в которой сошлись вековые тренды и базовые установки человека. С одной стороны, желание (соблазн) человека не быть (или страх быть), с другой стороны – достижения техногенной цивилизации и появление умных технологий.

Вместо усилия быть, стремления стать, состояться, найти свое место в мире посредством духовной работы и заботы, человек испытывает соблазн довершить себя сугубо технически, тем самым оставить место иному, гибриднему существу. Страх смерти, соблазн не быть и «умный гаджет» поставили человека в такой онтологический соблазн, что он его не выдержал: он решился не быть.

Но тем самым, решившись на такую сделку-соблазн, он отказался и от самого себя. Но если так, то человек становится в принципе заменимым. Точнее, заменим не человек, выступающий смысловой опорой мира, а человек, страшщийся быть, желающий не быть, не совершать личных усилий, не совершать духовной работы. Именно такой человек оказался заменим.

Возникает вопрос, ради чего человек должен быть заменен? Ради какой идеи? Ответ очевиден: ради достижения бессмертия. Но если ранее мы привыкли полагать, что смертность человека есть его удел, то с этим трансгуманизм уже не может согласиться. Он хочет преодолеть, точнее уничтожить как страх Божий, так и страх смерти.

Налицо не просто замена человека постчеловеком, но главное – налицо смена самой антропологической стратегии – стратегии бытия, построенной на личностном усилии, страдании, ответственности за себя и за мир. Быть человеком, совершать над собой духовную работу перестает быть онтологической нормой. Человека достаточно технически усовершенствовать, и он обретает кибернетическое бессмертие.

Итак, фактор смертности и фактор соблазна не быть впервые встретились с умным гаджетом и цифровыми технологиями. Человек, испытывавший всегда соблазн чудесным образом избежать смерти, наконец-то получает (как ему кажется) некий шанс (сугубо технологический) эту смерть победить, если он переселится в иное тело или в своего цифрового двойника. Для этого надо отказаться от духовных практик заботы, заменив их умными техническими функциями.

Сама идея цифрового двойника возможна именно в рамках бихевиористской модели, в которой высшая психика человека заменена на стратегии

поведения. Сначала человека представляют как функциональную поведенческую модель, а потом для этой модели разрабатывается ее цифровой двойник. Это реально и это делается. Но акт мышления или акт веры смоделировать нельзя. Поэтому первоначально проводится радикальная антропологическая редукция (сведение человека к набору функций), а затем этот человек, то есть функция, заменяется другим, более эффективным, постчеловеком.

Следствием этой подмены становится и другая. В современных разработках, посвященных искусственному интеллекту, в интерфейс «человек-машина» включен не собственно человек, а уже его заменитель, его редуцированная модель, сконструированное функциональное устройство, в силу чего между человеком и машиной происходит перераспределение функций. В этом интерфейсе уже возможна замена человека умным техническим устройством.

Мыслящий субъект не может быть пересажен ни в какое иное тело. Поэтому сначала его надо редуцировать до набора функций и тогда его можно пересадить на иного носителя, в пределе – просто заменить. Ярким примером здесь выступают практики трансгендера. Его сторонники понимают разницу между мужчиной и женщиной сугубо в биологическом, натуральном смысле. Достаточно провести хирургическую операцию и человек меняет гендер. Духовные и социальные проблемы фактически не обсуждаются.

Уловка и приманка заключается в редукции смысла жизни к комфорту: постчеловек будет жить лучше, в комфорте, будет благополучен. Будут удовлетворяться все его желания. Бытие редуцировано к существованию (сытому и комфортному) биотехнических гибридных тел-роботов. А поэтому человеку как биоиду нужны только две функции – чувство боли и чувство удовольствия.

Названная концептуальная подмена подкрепляется спекулятивной операцией по экстраполяции жизненного материала из одной сферы в другую. Например, в современной медицинской практике освобождение от страданий больного человека, страдающего от тяжелой болезни или нехватки (зрения, слуха, больной почки, сердца, конечностей) понимается как благо, ему пересаживают искусственную почку, ставят «умный глаз», делают протез, и все это в медицинских целях вполне оправдано как лечение больного. Но такой же подход к миллионам функционально здоровых людей выступает уже манипуляцией. К здоровому человеку начинают относиться как к больному. А нормой становится патология. Смертное, страдающее, болеющее существо достойно благополучной жизни, поэтому оно может быть и должно быть заменено на не страдающего, бессмертного, не болеющего киборга. Такая замена выставляется как благое дело. Трансгуманисты демонстрируют себя как врачей, исцеляющих человечество, несущих ему благо и освобождение от страданий и страхов.

Понятно, что выбранная манипулятивная стратегия, согласно которой человека убеждают в том, что смысл существования состоит в благополучии, что успехи эры постчеловека позволяют достичь полноты удовольствия и благополучия, – подобная стратегия рассчитана на людей, выбирающих как раз эту стратегию. Таких людей – большинство. Мыслящих и принимающих страдание как необходимый удел, всегда было меньшинство. А большинство выступает в логике трансгуманистов неким массовидным телом. На это массовидное тело, стремящееся к удовольствию и благополучию, добротному материальному существованию, и рассчитана стратегия трансгуманизма.

Ведь усилие быть – это всегда личное, конкретное усилие, оно всегда лично, событийно, предполагает ответственный поступок. Оно не совершается в массе и по приказу. Оно всегда связано с жизненным, онтологическим самоопределением – быть или не быть. Оно всегда определяло базовые ценности и ориентиры человека, его базовые приоритеты. И человек всегда решал этот вопрос личным поступком. Не умозрительно, не примерно, не виртуально. А реально, в поступке, и всегда рисковал.

Но возможности генной инженерии, опыты по редактированию генома, достижения биотехнологий, успехи в работах по искусственному интеллекту заставили человека испытывать соблазн – можно не совершать усилий, не быть, не страдать, не мыслить, не чувствовать, то есть не жить, но при этом быть бессмертным, хотя и в другом, постчеловеческом существе. Миллионы людей не могут устоять перед этим онтологическим соблазном. Поэтому они выбирают антропологический тренд ухода, то есть замены себя постчеловеком, трансчеловеком, техночеловеком.

Готовность

Надо перестать определять человека. Перестать его формировать, лепить, развивать, призывать, куда-то вести, порождать новые проекты его переделки.

Надо просто быть готовыми. Готовыми на то, чтобы быть. А значит брать за бытие ответственность. За себя, за мир, в который явился, за другого.

Но эта онтологическая забота не является способностью или желанием. Быть готовым невозможно так же, как и желать чего-то. Или совершать волевое усилие.

Почему человеку хочется не быть? И наоборот – почему и как ему хочется быть? Вопрос состоит не в хотениях и желаниях. Невозможно хотеть быть. Хотеть можно есть, пить, заниматься сексом, спать, снова есть, снова пить. Хочется, чтобы тебя ласкали, облизывали, принимали таким, каков ты есть. Хочется, чтобы тебя этот мир принял с любовью. Вот я, любите меня.

Быть же не хочется. Это невозможно. Строго говоря, бытие – не витальная потребность и норма. Это культурная норма – быть, то есть хотеть состояться человеком, обрести себя, найти место в мире. Бытие как норма не может быть нормой витальной, жизненной. Она выступает *культурным заданием*, к которому надо быть готовым. Быть готовым принять эту норму как свою, как жизненное задание себе.

Гамлет у Шекспира, несмотря на муки поиска, был готов. Он принял принцип готовности быть. Гамлет, готов «быть готовым». Его минута пришла, срок исполнен, час пробил. Он готов, пусть будет. Let be!

Готовность эта – метафизическая, мистическая, не рациональная, поскольку не объяснима. Она ведь в человеке отсутствует. Мы не способны выдерживать метафизическую ситуацию самоопределения и вызова. У нас же нет онтологических опор для этого, никаких помочей и подпорок.

Но приняв на себя готовность быть, мы сможем (у нас есть шанс!) выработать антропологическую альтернативу уходу человека.

Исток

Известная и до сих расхожая формула для цивилизационного самоопределения строится по схеме А. Тойнби: вызов – ответ. Какие мировые вызовы встречает та или иная современная цивилизация и какой ответ она вырабатывает?

Да, это удобно. Удобно в том числе потому, что вызов, как правило, находится в такой схеме вовне, в чужой стороне, для Запада, как правило, – в России. Она, страшная и коварная, бросила вызов западной цивилизации. Зло идет оттуда.

Схема вызовов – ответ изначально тупиковая. Потому что обращает взор интеллектуала не на себя, не вовнутрь, а на внешний фактор, внешнюю силу, которая по определению угрожает. Потому что эта сила не хочет быть похожей на нас. Она чужая, не знакомая. Значит – злая, от нее веет угрозой.

По этой же схеме немислия имитируют мысль и наши квасные интеллектуалы. Вызов идет с Запада, но как пример для подражания. Значит, надо отвечать. То есть соответствовать и строиться под западные образцы.

Какие же это образцы?

Если мы обратимся к истоку западной цивилизации и осмыслим ее, что называется, *ad hominem*, с точки зрения человека, то она основана на двух началах: субъекте-индивиде и технологиях, его же усиливающих.

Западная цивилизация строится вокруг интересов и желаний отдельного человека, отдельного субъекта, с его желаниями и страстями. Человек как индивид, частное лицо, есть главная частная собственность. Со времен Р. Декарта и с его легкой руки я, человек, как вещь мыслящая, я только и существую. Я как вещь мыслящая не могу быть подвергнут сомнению. Я, вот этот рассуждающий субъект, единственная вещь, в которой я не могу сомневаться. И весь остальной мир я вывожу силой собственной мысли.

С той поры, с этого «картезианского момента», человека стали понимать как такого участенного, редуцированного существа, субъекта мысли и страстей, субъекта желания. Вокруг него строятся все предпосылки и устремления. Если появляются сочувствие и сострадание, то там, где страдает этот самый индивид, частное лицо, по поводу своих неудовлетворенных желаний.

Разумеется, для удовлетворения его страстей требовались достижения технологической цивилизации. Поэтому все развитие строится по логике технологического прогресса. Ради чего развитие техники? Ради комфорта и улучшения среды обитания этого частного лица. Ради его благополучия. Ради удовлетворения его потребностей.

Значит и вся культура строится вокруг культуры потребления и увеличения потребностей. Модная ныне прибавка к оценке и суждениям: как вкусно сделано! Читай: песню спел, машину сделал, мероприятие провел и проч. Как вкусно!

Потребитель и обыватель впадает в зависимость – он болен культурной булимией, обжорством. Искусство становится богемой, то есть культурной обжираловкой. Проводятся разные конкурсы а la обжираловка. Кто быстрее и больше съест гамбургеров? Далее – по списку: съест (потребит) картин, информации, машин, носков, трусов, мобильных и проч.

Все технические достижения обставлены радением о каждой личности (читай – индивиде, субъекте желания). И весь уклад выстроен ради внешнего, ради внешней, внутренне пустой, формы, телесности, материальности, телесного низа. Шутки, юмор – тоже на уровне плотского низа. Чем ниже и проще – тем смешнее.

А в силу того, что собственно духовная сторона также утончается и редуцируется лишь во внешнюю атрибутику и ритуалы (даже служение в церкви), то и вся политика во всех сферах строится вокруг того, чтобы красивее и даже вычурнее обставить эти ритуалы, эту внешнюю форму и атрибутику.

Поэтому культура превращается в сферу развлечений, бесконечные перформансы. Нас окружает бесконечная клоунада, шутовство. Критерием событийности становится яркость, буффонада, розыгрыши, просто ржач.

А политика вслед за этим и сама превращается в клоунаду, буффонаду. Политик становится шоуменом, клоуном, шутком.

При отсутствии духовного содержания необходимо постоянно устраивать перформансы, осуществлять медийную, психическую возгонку, чтобы внимание обывателя поддерживалось на должном уровне этим попкорном. А политик становится медийным животным, который питается лайками и эффектами.

И вот телевизионный президент, шут и клоун, вдруг становится настоящим президентом настоящей страны, быстренько пересев из ящика в кресло большого начальника. И шоу, только кровавое, продолжается с новой силой.

В такой беготне за своей рычащей и вечно голодной утробой этот самый субъект, не имея внутренних личностных опор, находится в состоянии постоянного страха и стресса: он боится потерять все это телесно-нижнее, материально-потребное, думая, что сие верх и смысл счастья. Любая нестандартная и незнакомая ситуация выбивает его из колеи, которая ему уже проложена. Он боится рискованных действий, страхась дискомфорта, неожиданностей, страхась утратить сугубо материально-потребностную опору, поскольку других опор у него просто нет.

А потому любой внешний незнакомый и непонятный факт, событие, явление воспринимается им как угроза, которая может лишить его комфорта и благополучия. А вдруг? Не понятно. Значит, что-то задумали.

И вот чужое и незнакомое рядят в одежды угрозы – вот-вот зарычит.

«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй». Таким эпитафией снабдил А. Радищев свое «Путешествие из Петербурга в Москву». Где-то так Россия и выглядит для западного обывателя.

Но наши интеллектуалы и креативщики выросли на западных шаблонах, они никак не вылезут из *second hand*'а.

Где для наших СМИ происходят главные события? На Западе. Почему медийщики кормят нас событиями, происходящими в америках и европах? Вот один западный политик опозорился, вот другой подал в отставку, вот третий попал в сексуальный скандал, вот четвертый обвинил Россию во всех смертных грехах... И мы это видим и слышим каждый день и по многу раз. Нам показывают про нашу страну меньше, чем про скандалы и сплетни на Западе.

Только с началом СВО в новостной ленте стало немного меньше запада, больше про свою страну. Но ориентация наших медиа остается такой же прозападной. Там для них – основные события. Остальное, что происходит, идет факультативно, на закуску.

И вот мы смотрим про эту бесконечную клоунату. Нас накачивают этой медийной жвачкой, мы смотрим на этих медийных персонажей, на эти бесконечные шоу, в числе которых политика также превратилась в шоу. А президенты и премьеры – в шоуменов, в цифровых медийных двойников, вселившихся в массовое сознание.

И происходит так, что уже теряется граница между реальностью и сном, между этим миром и тем, виртуальным, между человеком и его цифровым двойником, а этот двойник управляет своим оригиналом. И уже, казалось бы, реальный человек, думая, что он управляет миром, ан нет, им управляет его собственный цифровой двойник, для него же и сконструированный. И так живут миллионы, живущие в сетях и цифре, думая, что они реальны, а выходит, что они сами – порождение цифрового мира, и хвост начинает вилять собакой. Такой медийной толпой легко манипулировать и кормить ее постправдой.

На этом фоне и в результате такого тренда расчеловечивания происходит что? Происходит то, что фашизм перестает быть лишь идеологией отдельно взятой партии и отдельного государства. И он не изжит и не побежден в 1945 году. Он становится закономерным следствием западной либеральной цивилизации. И вот мы видим уже четвертый рейх во главе с США. Америка превыше всего! Идея исключительности западного человека, идея частного человека, забывшего (убившего!) своего Бога и отказавшегося от духовного истока, естественным образом порождает фашизм. Он рядится в настоящее время в разного рода одежды сатанизма, неоязычества, в практики похоти, низа, животных страстей и инстинктов, ради сохранения которых их проповедники и носители идут на все – на новые разрушения и новые войны.

Рано или поздно либерал, радетель свободы частной личности-персоны отказывается от духовной вертикали за ее ненадобностью, дабы никто не контролировал эту хваленую личность, он перестает видеть в человеке духовное существо. Он у него превращается в существо сексуально-похотливое и алкающее.

И вот уже и Холокост, и концлагеря смерти не кажутся либералу такими уж страшными. И уже маленькая победоносная ядерная война не кажется такой уж катастрофой.

Потому что, если Бога нет, то все дозволено.

И чему нам учиться у Запада после этого? Может, нам надобно вернуться к собственному Истоку? И заняться наконец-то собой? Заняться возвращением человека к самому себе, к духовному истоку, вернуть утраченного Бога? Но это возможно через сострадание и сочувствие и возвращение к себе самим.

Самоопределение на фоне Северного горизонта

В свое время Петр Чаадаев отметил, что главным фактором, влияющим на наше цивилизационное самоопределение, выступает фактор географический, то есть фактор пространства. И это правда.

Где мы всю свою историю искали ориентиры и опоры? На Западе. Исторически получилось, что цивилизационное самоопределение нас как цивилизации осуществлялось в пределах тренда в сторону Западной цивилизации и западного антропологического типа. Восток и Юг были чужими. Север же оказывался всякий раз на периферии, на задворках. Он всегда оставался окраиной как для

нас, так и для западных и южных сообществ и способов обитания. Понятно, это было связано со стереотипом, что обитание на Севере связано с тяжелой борьбой за выживание, с борьбой с холодом, мерзлотой, пространством, дикой (обязательно чужой) природой, степью, тундрой, тайгой и проч.

Человек западной технической цивилизации исторически выбирал места, где теплее, он выбирал комфорт, уют, более мягкую среду обитания, доступность ресурсов. Западная цивилизация сформировалась вокруг теплого средиземноморья.

Ориентация на Запад и Юг формирует вполне определенный антропологический тип: южный, теплый, мягкий, потребительский, комфортный, оседлый.

Ориентация же на Север формирует иной тип: жесткий, холодный, дискомфортный (для юга), кочевой. То есть номадический. Если взять Россию, то она – скорее северная цивилизация. Просто по факту. И это вообще-то известно. Но, как зафиксировал Чаадаев, Россия всегда смотрела на Запад и брала образцы для цивилизационного развития именно там. Исторически российская элита постоянно выбирала ориентацию на Запад, борясь за жизненное пространство на Востоке и Юге. Образцы она брала не из своего истока, а на Западе. А за пространство воевала также с Югом и Востоком. Север же оставался у неё в тылу, на задворках, в которых можно было иногда покопаться, поискать что-нибудь нужное, редкое и ценное и хранить его там. Авось пригодится. Но Север никогда не был и не воспринимался как Исток, как ресурс, как опора. Северный чулан не был точкой отсчета для ориентации и самоопределения российских элит. Он всегда был местом холодным, темным, спрятанным от западных и южных глаз, в нем хранились драгоценности. Их до поры до времени прятали. Благо, эти богатства были несметны. Потом при необходимости их доставали, обменивали на дары, получаемые от Запада.

Но в связи с тем, что теплый, южный антропотип доминирует в современной западной цивилизации, начинает доминировать и антропотренд ухода человека в целом, поскольку западно-южный человек предпочитает комфорт и блага технической цивилизации, и он готов себя заменить на постчеловека. Человек-южанин не справляется с техникой, которую сам же и породил в погоне за комфортом и уютом, не будучи способным справиться с многочисленными соблазнами. Он все более отдает свои функции, отдает самого себя внешним техническим устройствам. Запад-Юг выбирает комфорт, уют, технические блага и достижения. Западная цивилизация югоцентрична. Средиземноморская теплая колыбель Западной цивилизации не порождает желания смотреть на холодный и чужой север.

Чему может научить современного западно-южно-ориентированного человека оленевод с Ямала? Или этот оленевод – тоже уходящая натура? И для умирающих северных народностей и языков надо городить музей, в нем «заморозить» останки номадов, их культуры и позволять себе помнить о них в формате плохого музея: лежат, хранятся, к ним водят экскурсии, руками при этом не трогать. Гробовая тишина. Говорить можно только шепотом. Вечная мерзлота.

В то же время кочевничество как исторически выработанный антропологический и социокультурный тип как раз формирует иной модус северной

цивилизации, которая характеризуется не только холодом и пространствами, но и устойчивостью относительно климата и природных катаклизмов. Движение, телесная физическая мобильность и выносливость как способ жизни, передвижение в пространстве вместе с очагом, своим домом, выработали у кочевников адаптивность и приспособляемость к изменениям. С этой точки зрения именно «антропология движения», говорит антрополог А. Головнев, как способ жизнедеятельности лежит в основании северной цивилизации, становится ключевым признаком при поиске и формировании антропологической альтернативы, противостоящей тренду ухода западно-южного человека.

Кочевники Северной Евразии, потомки которых живут сейчас в Сибири и на Севере России, могут продемонстрировать иной цивилизационный уклад, помогающий понять, что нам сегодня делать в ситуации радикальных трансформаций доминирующего до сих пор западного технологического антропотипа. Номадический антропотип – более стойкий и выносливый. Кочевник удерживает пространство, распределяется в пространстве. Кочевник обитает в мире, в котором отсутствует фиксированная граница. Граница сидит на ней самой. Он живет на границе как у себя дома. Она – его дом. Кочевник живет внутри границы и передвигается вместе с ней. Кочевник сочетает в себе динамику (передвижение и пребывание в пространстве) и статику (сидит на коне). Он не просто осваивает пространство, он сливается с ним.

Ведь южный антропотип выбрал технологический аутсорсинг именно потому, что оседлость тела сочетается у него с технической мобильностью цивилизации. Последняя дает ему возможность как бы перемещаться в пространстве, сидя в кресле автомобиля, в офисе, самолете, в комфорте. А номад-кочевник движется вместе с домом, с процессами, массаами, природными стихиями. Куда идет природа, туда движется и номад. Он не отчужден от техники. Он сохраняет все дополнительные технические достижения и включает их в свой дом. Он сосредотачивает их в своем чуме, передвигаясь вместе с домом. Современный оленевод имеет мобильник, спутниковую связь и смотрит сериал по ТВ в чуме вечером после перегона.

Итак, жизнь в пространстве и передвижение вместе с ним формирует иной северный уклад, иную ментальность, особый номадический антропотип и социокультурный код. При этом надо понимать, что код формируется не просто потому, что кочевником движет стремление к выживанию, погоня за убегающей пищей. Поиск пищи, движение за стадом, охота, поиск новых пастбищ, поиск ягеля вслед за своими оленями у оленеводов Ямала формируют лишь первый уровень мотивации кочевника. У кочевника нет города, полиса, страны с локальной границей и властью в ней. И соответственно нет границы, которая бы его огораживала от Иного Мира. Тем самым нет жесткой фиксации «свой – чужой», «мы – они». Весь мир – его пространство обитания-передвижения. Потому что он движется по миру вместе с этим миром.

Концепт Пути становится у номада ядром жизни и способа существования. Путь становится основой становления государственности. Так жили и хунну, и монголы, так жили и варяги, ходившие с севера до Царьграда. Этот код оседал в языке, в котором Путь, Дом, Государство имеют один культурный этимон.

Восприятие Севера как стороны, из которой идет чужая, степная разрушительная сила – это старая идеологема, которая до сих пор не изжита в созна-

нии западного обывателя. Ее интенсивно эксплуатируют современные политики и медийщики.

Вулкан ведь тоже разрушителен, как и наводнение, цунами, землетрясение. Но кто может сказать, что вулкан – злой агрессор? Он – воплощение живой стихии. Номад – тот, кто свыкся с ней, живет внутри этой стихии и меняется вместе с ней. Эта старая абберрация сознания (отождествление степи, тундры и злой силы) могла произойти в голове именно западного человека, европейца, который и воспринимает холод, степь и тундру как чужую слепую силу, а кочевников степи считает воплощением этой силы. Южные, теплые, оседлые народы естественно воспринимали северных кочевников как захватчиков. А Россию – как воплощение этой страшной силы Севера и Леса. Однако это не более чем идеологическая привычка сознания обывателя.

Петр Чаадаев в свое время зафиксировал проблему цивилизационного самоопределения России: несмотря на то, что Россия является северной цивилизацией, она исторически до сих пор не осуществляла самоопределение на основе своей северной идентичности.

Российские элиты до последнего времени всегда смотрели на Запад-Юг, нежели на Север. Именно потому, что не были собственно российскими. Они всегда были западно-южными группами, живущими внутри тела северной российской цивилизации. Как вирус, разъедавший это тело.

В то время как именно в северном социокультурном коде лежит корень новой антропологической идентичности человека в целом и России в частности. Одновременно в северной цивилизационной модели кроется и собственная цивилизационная идентичность России.

Если Россия не начнет осуществлять тренд в сторону собственной идентичности, то она всякий раз будет рассматриваться Западной цивилизацией как пространство для освоения и присвоения ресурсов, выступая в качестве периферии этого Запада, ресурсной кладовой.

Итак, что же такое цивилизационное самоопределение?

В целом это восстановление того истока, который задает этой цивилизации, желающей стать субъектом истории, ее историческое предназначение, делая ее таким цивилизационным субъектом.

Восстановление истока воплощается в следующем.

1. Это то, что говорил о А. С. Пушкине в своей речи Ф. М. Достоевский: как о быть «гением всемирной отзывчивости». Это наличие многоголосия, звучание хора, при сохранении каждого голоса. Это соседство. Полифония. Жизнь в соборе. Жизнь как «симфоническая личность», как говорил Л. П. Карсавин. Это и есть та политея, по Аристотелю, умение управлять жизнью сообща, жизнью народов и культур, традиций, при сохранении уникальности каждого. Готовы ли мы к этому?

2. Это самоопределение себя как северной цивилизации, холодной, но динамичной, сильной, опирающейся на духовную вертикаль, питающуюся от духовного истока, и всякий раз восстанавливающей свое Начало.

3. Это возвращение Человека во все сферы жизнедеятельности: возвращение Человека в школу, в культуру, в университет, восстановление базовой практики чеканки нравственного облика.

4. Это восстановление и сохранение институтов, крепящих этот тренд возвращения человека, и держащих духовную традицию – институтов семьи, брака, материнства, отцовства, детства, взрослости, которые в либеральной западной модели уничтожаются и извращаются, растворяясь в тотальном отказе и отмене от самих себя.

Время для самоопределения

Итак, основным трендом, сформировавшимся в западной техногенной цивилизации, является не само по себе увлечение умными технологиями, а причина этого увлечения – отказ от принципа заботы о себе и других, имеющего свои корни в античности. Человек все более предпочитает не заботиться, не брать усилие быть как принцип жизни, не совершать усилия над собой. Он предпочитает комфорт как принцип жизни. Когда место усилия быть занимает комфорт, то для выполнения этого принципа используются все достижения цивилизации. В итоге человек, перестающий заботиться о себе и о других, поневоле отказывается от самого себя. В итоге, если он перестает заботиться о себе, он и перестает быть собой, то есть человеком. То есть, он исчезает как сущее, возделывающее себя.

Но это и есть основное определение человека в человеке. Человек делает в себе человека, возделывает его через усилие, через культурные, духовные практики заботы. Если он перестает их делать, он и перестает быть собой. Трансгуманизм же совершил подмену. Используя естественную ситуацию, которая заключается в том, что человек по первому рождению на завершен, не совершенен, ему еще предстоит стать собой, ему предлагается не совершать усилия надо собой, не заботиться, а заменить эту заботу о себе технической насадкой, техническим усилением. В итоге получаем человека усиленного, Homo enhanced. Вместо заботы о себе он предпочитает протез, удобное техническое устройство.

Во многих экспертных оценках этот человек рассматривается как объект. Он, видите ли, бедный, исчезает, ему угрожает то одно, то другое. Но проблема в том, что он сам предпочитает исчезнуть. Угроза человеку – сам человек! Не искусственный интеллект, не экология, не природа. Он сам предпочитает не быть, потому что предпочитает отказаться от усилия быть, предпочитает комфорт. А умная техника в кои-то веки, которую он же создает, делает это возможным – перестать заботиться о себе и других. Умная техника создает желаемый комфорт, к которому свелся весь смысл жизни.

Все остальные определения человека не имеют смысла. И в настоящее время необходимо не искать определения человека, а вырабатывать институциональную политику, которая бы создавала места, в которых эти практики заботы были бы востребованы и создавали бы шанс для человека становиться собой, возделывать себя.

Поэтому рождается необходимость создания антропологической платформы, то есть, *институциональной матрицы мест заботы* – в разных сферах, в социальных практиках, в образовании, здравоохранении, в культуре, науке, в разного рода индустриях. Биотех в этой связи становится ключевым направлением, на котором можно обкатывать и открывать полигоны, на которых и создается данная инфраструктура мест.

Итак, речь должна идти не об отдельном гуманитарном проекте, не о разговорах за человека (кто такой?), а о формировании косвенного, диагонального хода: перестать говорить о человеке как объекте, а начать создавать места, в которых человек сам и появится. И он сам решит, что ему делать.

Тренд ухода человека становится реальным вызовом. Но этот вызов требует ответа. Ответа не умозрительного, не просто теоретического, а предельно практического. Нам нужна в этой связи реальная антропологическая альтернатива этому вызову. Поэтому антропологический проект для будущего человека выступает не просто научной разработкой. Он выступает мировоззренческой антропологической альтернативой, предлагающей человеку все же быть, не редуцируя себя до функционального устройства, а использующего умные гаджеты и умные технологии как средства развития, а не средства порабощения.

Человеческое меньшинство должно выработать антропологическую альтернативу уходу человека. И не в виде декларации и призыва, а как институциональное действие.

Культурное задание. Институт Человека

Что этот значит? Это значит, что нам всем нужен Институт Человека. Он должен быть построен, выращен, сформирован, посажен на традицию, на инфраструктуры, нормы и правила, на свои опоры, без которых человек выхлещивается в разговор. Разговор о человеке важен. Но он работает тогда, когда воплощается в Институт.

Где, как с кем можно обсуждать эту тему в таком залоге? Учитывая ситуацию, эту тему можно обсуждать только в рамках НТИ. Или рядом с ней. Фактически речь идет о Национальной антропологической инициативе.

Пока же в рамках НТИ имеет смысл рассмотреть вопрос о создании антропологической платформы, которая бы пронизывала все направления НТИ (рынки, институты, технологии, инфраструктуры).

Антропологическая платформа

Антропологическая платформа состоит из четырех рамок (или узлов):

1. *Антропонет*. Рынок антропоориентированных продуктов.
2. Введение в практику разработок, исследований и образования *гуманитарных технологий и антропопрактик заботы*.
3. Формирование *института гуманитарной экспертизы* технологических проектов в НТИ.
4. Переход от кружков и технологических инициатив – к полигонам-лабораториям на базе школ и вузов. Создание сети полигонов, отрабатывающих новые исследовательские, культурные, образовательные и социальные практики.

Эта платформа подкладывается под всю матрицу и представляет собой антропологический сквозной контекст всей матрицы НТИ (рис.).

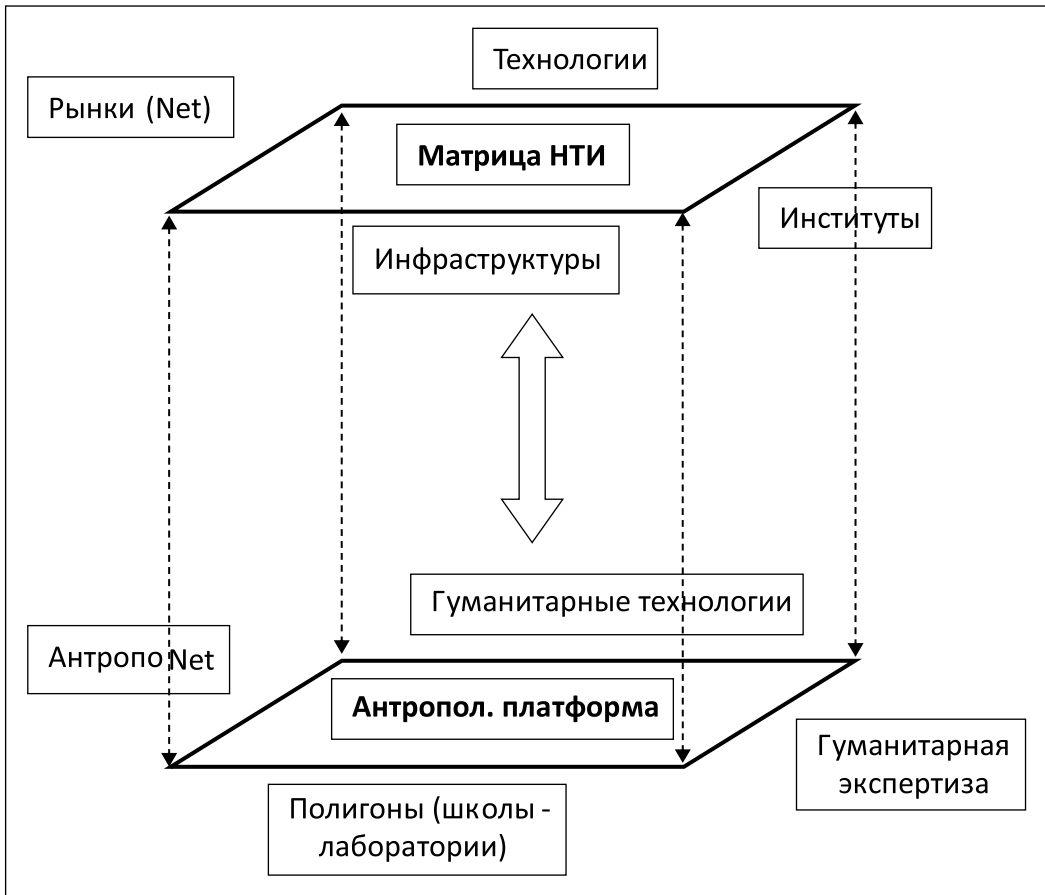

Рис. Антропологическая платформа для НТИ

Что представляет собой каждая рамка платформы?

АнтропоNet

Эта часть платформы предполагает не просто разработку и создание новых прорывных продуктов и рынков (как это указано в матрице НТИ, например, тот же генный текст «Атлас»), но и разработку продуктов, ориентированных на человека. При этом сам пользователь участвует в их создании. Это такие умные продукты, которые меняют среду обитания и меняют образ жизни, но при этом развивают человека, а не порабащают его (не садят на иглу потребления и проч.).

В образовании это могут быть цифровые образовательные платформы. В медицине – умные цифровые помощники, ассистенты.

Гуманитарная экспертиза

В таком случае при разработке прорывных продуктов, формирующих новые рынки, необходимо проведение особой, гуманитарной экспертизы технологических проектов с точки зрения развития с их помощью человеческих качеств. Эта экспертиза отличается от привычных практик экспертиз тем, что в ней рассматриваются не технические или маркетинговые качества продукта, а то, как влияет этот продукт при его внедрении в повседневность на идентичность человека. И второе – гуманитарная экспертиза предполагает выстра-

ивание саморефлексии и самооценки самими разработчиками собственных продуктов, понимание ими самими собственной ситуации изменения.

Эта практика гуманитарной экспертизы должна быть встроена в матрицу как постоянно действующий институт, а не эпизодическая процедура.

С помощью гуманитарной экспертизы фактически происходит доращивание технологического проекта до его антропологии. В проекте должен появиться человек. А автор проекта начинает понимать не только технологические достоинства своего проекта, но и то, какие новые гуманитарные риски несет его проект и какие новые гуманитарные возможности можно получить.

В пределе гуманитарная экспертиза выступает формой, видом или жанром социогуманитарной инженерии, поскольку при реализации сложного технологического проекта его авторы вынуждены выстраивать особую социокультурную ситуацию, думать фактически об изменении среды обитания, в которую внедряется их проект и то, как сама среда начинает меняться. Авторы проекта в таком случае думают не только о реализации технологического проекта, но и об изменении человека и его среды обитания.

Гуманитарные технологии и антропопрактики заботы

Но никакой умной разработкой и гуманитарной экспертизой не заменить то, что необходимо всегда делать самому человеку с самого рождения – реальной практики развития. Необходимо развивать его, формировать базовые качества мышления и воображения, воли и памяти с помощью гуманитарных технологий и антропопрактик заботы. Если изначально они не встроены в разнообразную социальную и образовательную практику, то задним числом ситуацию не исправить. Человеку, уже получившему яд потребления умной игрушки, трудно соскочить с иглы.

Поэтому необходимо внедрение повсеместно гуманитарных, умных технологий, развивающих базовые качества человека (мышления, воображения, воли...), технологий развития навигационного мышления, технологий, способствующих целостному восприятию человека, не частичного, а полного.

Необходимо вырабатывать репертуары антропопрактик заботы, которые включаются в разного рода программы развития и подготовки в разных сферах жизнедеятельности.

Полигоны-лаборатории

Но для этого необходимо инфраструктурное решение, связанное с созданием полигонов-лабораторий на базе школ, вузов, центров развития и проч. Именно на этих полигонах и будут отрабатываться новые социальные и образовательные практики с внедрением в них умных разработок, начиная с дронов и заканчивая компьютерными играми и виртуальной педагогикой. Полигон тем и отличается от обычной школы и вуза, что там можно пострелять, поделать то, чего нельзя делать в обычной школе-вузе.

В узком смысле полигон-лаборатория предполагает развитие исследовательских, проектных, инженерных компетенций у разных целевых групп, у школьников и студентов.

В широком смысле полигон выступает в качестве лаборатории по выращиванию новых моделей образования, новых образовательных практик и технологий, влияющей в целом на изменение образования как института.

Если говорить о примерах, то фактически группа компаний ЭФКО уже стала таковым полигоном-лабораторией, на котором не только вырабатываются новые технологии, но и выращивается новый способ мышления и действия, альтернативный названному выше тренду ухода человека.

Автор

Смирнов Сергей Алевтинович

Ведущий научный сотрудник
Института философии и права СО
РАН, доктор философских наук.

Новосибирск. Россия. Главный
редактор гуманитарного альманаха
«Человек.RU».

E-mail: smiroff1955@yandex.ru

Автор в изображении нейросети